

Посвящается 100-летию со дня рождения
Святослава Николаевича Рериха

Философ реального Космоса

...Где-то в середине ночи самолет стал снижаться, и через какое-то время под ним поплыли электрические созвездия столицы Индии Дели. Вскоре среди них обозначились огни посадочной полосы. Самолет слегка встряхнуло и он, замедляя свой бег, остановился у трубы терминала. Мы покинули свои места и направились к выходу.

Делегация Международного Центра Рерихов была приглашена в Индию на юбилейные торжества. Кроме столетия со дня рождения Святослава Николаевича отмечалось 130 лет Николаю Константиновичу и 125 лет Елене Ивановне. В Дели, в Российском культурном Центре, в связи с этим открылась постоянная экспозиция, посвященная Рерихам и привезенная нами фотовыставка о жизни Святослава Николаевича. В Бангалоре, в его имени Тагауни мы увидели мемориал в его честь, сделанный из черного и белого мрамора. В самом городе прошло торжественное заседание в честь юбилея. В эти дни вся Индия говорила только о Рерихах. О них писали газеты, выходили книги, были изданы почтовые конверты с портретами Рерихов, появились их памятные почтовые марки, специальные сувениры и многое другое. В гималайской долине Кулу, где находилась вилла Рерихов, шли красочные празднества, семинары, театральные представления, экспонировались выставки, посвященные Рерихам, и выставка картин главного юбиляра – Святослава Николаевича. Людская река текла, не прерываясь, по улице Рериха от Наггара вверх, где все это происходило.

Я вошла во двор рериховской виллы и увидела, как много изменилось в этом пространстве. Рядом с виллой выросли новые здания. Одно для выставок, другое для семинаров и научных собраний. Все было построено на деньги Центрального правительства Индии и правительства штата Химачал Прадеш. Всего этого во время моих редких предыдущих визитов в Кулу еще не было. Не было выставок, новых домов, множества людей, не было торжественного почитания обитателей одинокой виллы на склоне горы.

Первый раз я приехала в Кулу в 1972 году. Меня пригласили сюда Святослав Николаевич Рерих и его супруга Девика Рани.

Горная долина Кулу лежала между западными и восточными отрогами Гималаев, прорезанная лентой бурного Беаса. Ближние склоны гор поросли гималайской сосной и кедром, и среди этих рош были разбросаны редкие дома. Но ничто здесь не напоминало ту Индию, которую я знала до сих пор. Казалось, я попала в другую страну. За лесистыми склонами поднимались ослепительные снежные вершины, в их изломах дробился голубой цвет неба. Внизу под мной лежал древний поселок Наггар. Крыши, покрытые серыми плитами сланца, веранды, нависающие над узкими извилистыми улочками, синие дымки, просачивающиеся из открытых дверей прокопченных старинных харчевен, неуклюжая квадратная башня замка.

А между замком и виллой стоял под трехъярусной крышей древний храм, посвященный богине Трипурасандарам, с которого я и начала под водительством Святослава Николаевича осваивать долину Кулу. Мы много беседовали во время прогулок, а иногда Святослав Николаевич приглашал меня на скамью, стоящую под деодаром, во дворе виллы.

– Ну, так о чем мы сегодня поговорим? – спрашивал он и загадочно улыбался.

Эти беседы мне запомнились на долгие годы. И вот теперь, когда я стояла во дворе виллы, среди праздничной толпы, я подумала о том, что в этих беседах был свой таинственный подтекст, который как бы проявился через значительное время.

Тогда он рассказал мне об архиве Елены Ивановны, своей матери, который составлял философскую основу творческого наследия Рерихов. Потом через несколько дней повел меня в Институт Гималайских исследований «Урусвати», расположенный выше по склону над виллой. Я знала, что этот Институт прекратил свою деятельность во время Второй мировой войны.

Мы поднялись по тропинке, выходящей по некрутому склону, и метров через пятьсот оказались на небольшой площадке, поросшей ярко-зеленой травой. Здесь стояли два здания Института. На одном из них еще сохранилась вывеска: «Урусвати».

– Весь этот склон и роща, – сказал Святослав Николаевич, – принадлежат Институту. Двадцать акров земли, которую мой отец Николай Константинович отдал для этой цели. Вот в этом доме, – Святослав Николаевич показал на первый из них, – работали и жили зарубежные сотрудники Института, а в следующем были лаборатории.

Чуть в стороне, ниже по склону, виднелась груда камней, бывшая, очевидно, когда-то фундаментом какого-то строения. Оказалось, что там стоял дом, в котором жили тибетские ламы, помогавшие Юрию Николаевичу Рериху в его лингвистических исследованиях.

Шаги гулко отдавались в пустых помещениях. Комнаты тянулись одна за другой. В одном из помещений мы остановились перед дверью. На ней висел массивный замок. Заржавевший механизм долго поддавался. Наконец он со скрипом открылся. Мы толкнули дверь

и оказались в большом зале. Свет с трудом пробивался сквозь плотно прикрытые ставни. Когда глаза привыкли к полумраку, я увидела повсюду ящики. Они громоздились друг на друге. Ящиков было много, их покрывал толстый слой пыли. По стенам стояли застекленные шкафы.

– Наши коллекции, – коротко бросил Святослав Николаевич. Это были коллекции, частично оставшиеся от Центрально-Азиатской экспедиции Рериха и собранные экспедициями самого Института, – богатейший научный материал, к которому несколько десятков лет не прикасалась рука ученого. В застекленных шкафах и ящиках находилось собрание ценных этнографических и археологических находок. Орнитологическая коллекция насчитывала около 400 видов редчайших птиц, некоторые из них сейчас уже исчезли. Ботаническая – полностью представляла флору долины Кулу. Геологическая – содержала немало редких минералов. Тут же были и зоологическая, фармакологическая, палеонтологическая коллекции.

С.Н. Рерих и Л.В. Шапошникова. Москва. 1987 г.

Мы прошли в следующую комнату, по стенам которой тянулись полки с книгами – четыре тысячи томов. В одном из помещений обнаружилось оборудование биохимической лаборатории. Книги давно уже никто не снимал с полок, лабораторным оборудованием не пользовались... Тем не менее все это не производило тягостного впечатления запустения и упадка. Казалось, люди лишь недавно покинули эти стены, по каким-то не зависящим от них обстоятельствам. Они успели только упаковать коллекции и закрыть на замки двери библиотеки и лаборатории...

– Вот что такое «Урусвати» теперь, – Святослав Николаевич печально наклонил голову. – Но ведь советские ученые могут здесь работать? – глаза его улыбнулись. – Об этом не раз говорили и мой отец, и брат. Почему бы советским и индийским ученым здесь не поработать вместе? Все это, – он обвел взглядом вокруг, – может оказаться в их распоряжении. Русские начали, русские должны и продолжить...

Эта тема – «русские начали, русские и должны продолжить» – целый день звучала в наших беседах.

– Вы должны знать, – говорил Святослав Николаевич, – что этот Институт не просто очередное научное учреждение. В нем заложено будущее нашей науки. Тогда, во время войны и после, судьба Института сложилась не просто, и прервались те исследования и та научная методология, которая лежала в их основе. И все это заложено было не нами, Рерихами, а нашим Учителем, который создал Живую Этику, и планы которого мы выполняли. Вы знаете, все очень интересно было задумано, и еще более интересно исполнялось. Во всех этих действиях, в которых мы участвовали, было не только будущее новой науки, но и будущее эволюции человечества, его преобразование, его новых форм существования.

Все чаще и чаще в наших разговорах звучали слова – Новая эпоха, новое мышление. А через несколько дней Святослав Николаевич попросил передать его предложение Академии наук СССР. Он хотел, чтобы группа советских ученых прибыла в Кулу и решила проблему совместного с Индией сотрудничества в Институте Гималайских исследований. Вернувшись в Москву, я передала это тем, от кого все зависело. Но сам процесс шел медленно и вяло, обстоятельства менялись, трудности задуманного росли. План Святослава Николаевича так и не был выполнен.

Но уже в 1997 году, когда я заезжала в Кулу после заседания в Симле Попечительского Совета Международного Мемориального треста Рерихов, здание, где когда-то жили иностранные сотрудники Института, было отремонтировано, и там располагалась выставка предметов искусства и ремесла народов гималайского региона.

Юбилейные рериховские торжества совпали с началом ремонта и второго здания. Видимо, будущее Института уже имело определенную перспективу. И, конечно, эта перспектива касалась и российских, и индийских ученых. Ибо все, что совершалось Рерихами в Индии, всегда имело связь с Россией. Юбилейные рериховские торжества в Индии в этом году еще раз подтвердили этот факт. Торжества проходили на высоком правительственном уровне. В них участвовали главные министры штатов Химачал Прадеш и Карнатака, крупные культурные и общественные деятели Индии. В конце пребывания в Индии делегации МЦР Премьер-министр Индии Манмохан Сингх счел необходимым принять президента МЦР Чрезвычайного и Полномочного Посла Ю.М.Воронцова и его вице-президента, Генерального директора Музея имени Н.К.Рериха Л.В.Шапошникову. Вслед за этим последовал прием у министра иностранных дел Индии. И в выступлениях главных министров штатов, в которых когда-то жили и трудились Рерихи, и в беседах с премьер-министром страны и министром иностранных дел красной нитью проходила одна мысль: Рерихи создали культурно-духовный мост между Индией и Россией. В связи со многими трудными обстоятельствами в теперешних отношениях между Индией и Россией, эта связь, заложенная нашими соотечественниками, приобретала важное значение.

Рерихи оказались в Индии не случайно. Они стремились в Индию, и в этом стремлении были не одиноки.

Магнетизм Индии испытывали многие. Пожалуй, это было самым главным чудом, которым обладала эта древняя страна. В чем же все-таки тайна ее великой притягательности? Прежде всего в непрерывности культурной традиции, которая объясняет и все остальное. Многие тысячелетия протекли над Индией, ее снежными горами, знойными равнинами и раскаленными пустынями. И так сложилось, и, возможно, тоже не случайно, что главная нить культурной преемственности в этой стране не прерывалась. Прошедшие по пространству Индии народы не исчезли, как это было с древними египтянами, шумерами и многими другими, чьи следы, может быть, еще даже и не отысканы. Самые загадочные, самые древние народы продолжали существовать в Индии со своей культурой, со своими многовековыми традициями. Непрерывно развивающаяся культура формировала духовный облик индийца, создавала непревзойденные шедевры искусства, шлифовала драгоценные камни индийской философской мысли и мудрости. Культура и Красота сотворили в Индии в течение многих веков упругое поле мощной и тонкой энергетики, на которое опиралось и дальнейшее развитие страны и ее эволюция. Судьбе и богам было угодно, чтобы на планете существовала хотя бы одна страна, способная продемонстрировать ярко и красиво эволюционную суть Культуры и Красоты. Именно Индия удостоилась этой высокой чести. Сопричастность индийской культуры мирам более высоких измерений, философское осмысление связей с ними и умение разумно ими пользоваться, являются отличительной чертой этой культуры. Вступая в энергоинформационный обмен с последней, другие страны и народы получали от нее бесценные сокровища – иные подходы к решению проблем совершенствования человека, мудрую практику развития духа и, наконец, космический взгляд на эволюцию человечества. Индийцы с самых ранних времен погружали свою мысль в великое пространство Вселенной и понимали многое из того, что мы начинаем понимать только теперь. Возможно, что именно такой процесс и ощущение своего единства с Космосом и сделали Индию со временем духовным магнитом, или духовным сердцем планеты.

Несмотря на свою высокую духовную культуру, Индия, тем не менее, не являлась тихим и благостным ашрамом, изолированным от всего мира. Она находилась на перепутье многих торговых путей, и набеги, вторжения и войны не миновали ее. Начиная с древности и кончая новым временем, словно притянутые все тем же магнитом, в Индию вливались чужие племена и народы. Однако никому из них, включая и среднеазиатских мусульман, не удалось стать ее завоевателями в полном смысле этого слова. Никому из них не удалось ассимилировать, несмотря на неоднократные попытки, ее народ. Все происходило как раз наоборот. Индия ассимилировала пришельцев, брала лучшее из их культуры, отбрасывала ненужное. Каждый раз энергетическое поле культуры вторгшихся в эту страну оказывалось намного слабее индийского. Собственно, это и решало судьбу народов, пришедших в соприкосновение с ней. Никакие ухищрения завоевателей – военные, административные и даже матримониальные – не давали ожидаемых результатов. Все решала в конечном счете энергетика. Завоеватели влипали, как мухи, в мед энергетического поля индийской культуры и навсегда оставались там.

Непрерывная культурная преемственность создала в Индии уникальный институт духовных учителей – гуру, который продолжает существовать в этой стране и до сих пор. И сейчас учителя оказывают всепроникающее влияние на нравственный и творческий характер народа. Высокое уважение к учителю, которое мы встречаем в Индии, обуславливает высокий уровень его нравственности и сознания.

Эти особенности, которыми украшена Индия, привлекли высокообразованную и высокодуховную семью Рерихов к этой стране. Помимо всего этого Николая Константиновича Рериха притягивал к ней поиск древнейшего общего источника культуры индийского и славянских народов. Многие факты свидетельствовали о существовании такого источника. Не только определенное тождество в языках и в народных традициях, идущих от самой древности, говорило о куль-

турной близости, но и общее в психологии обоих народов наводило на серьезные размышления. И поэтому Рерихи остались в Индии на многие годы и через нее они совершили многое. В сотрудничестве с великими Учителями Индии, стоявшими на высокой ступени эволюции, Рерихами была создана философия реального Космоса – Живая Этика – которая является началом нового, космического мышления, развивающегося на нашей планете. Важнейшую роль в этой работе сыграла выдающийся философ Елена Ивановна Рерих. Институт Гималайских исследований, организованный Рерихами, был одним из первых ростков новой науки, связанной с новой системой познания. В Институте зарождалась комплексная, синтетическая методология и использовался экспедиционный метод как один из важнейших. Виднейшие ученые Индии и мира, такие, как А.Эйнштейн, Р.Милликен, Дж. Чандра Бос, Н.И. Вавилов сотрудничали с Институтом. Рерихи провели крупнейшую в XX веке Центральную-Азиатскую экспедицию и разработали накануне Второй мировой войны Пакт по защите культурных ценностей. Пакт называли именем Рериха.

Святослав Николаевич Рерих участвовал во всех акциях и начинаниях своей великой семьи. Он был выдающимся художником, философом, ученым, занимавшимся естественными науками, и выдающимся общественным деятелем. Два высоких источника – семья и духовная культура Индии – сформировали его человеческие качества. Гармоничное сочетание этих двух источников сотворило одну из великих личностей России и Индии.

Все творчество Святослава Николаевича Рериха, так же как и остальных членов этой семьи, было пронизано идеями философии реального Космоса. Н.К. Рерих назвал мировоззрение этой философии энергетическим. Энергетика – главное условие и главный двигатель Космической эволюции человечества. Все то, носителем чего является человек, – его чувства, мысли, дух, тело, традиции, стремления, восприятия, его творчество энергетичны по своей сути и взаимодействуют с общей космической энергетикой.

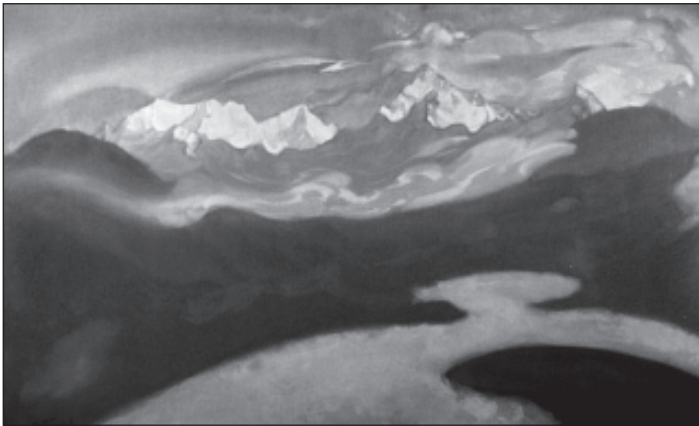
Сказать просто, что Святослав Николаевич был последователем энергетического мировоззрения, значит сказать очень мало. Он был не только последователем, но и толкователем этого мировоззрения. Как глубокий философ, он по-своему сумел осмыслить и развить его важнейшие положения и идеи. «Наше внутреннее стремление к чему-то более совершенному, – говорил он об источниках своего вдохновения, – более прекрасному, является той великой внутренней силой, которая изменяет нас и изменяет также нашу жизнь. Без этого внутреннего пламени человек не может разбудить в себе скрытые энергии и не может подняться на более высокий уровень знания и опыта. Это внутреннее стремление к своей кульминации пробуждает определенные нервы, которые являются проводниками скрытых энергий» (Рерих С.Н. Стремиться к Прекрасному. М., 1993. С. 5). Удивительно точные слова – «внутреннее стремление к своей кульминации» – дают нам представление об уровне мышления и литературных способностях Святослава Николаевича. Его привлекали те энергетические процессы, к которым он был наиболее близок, опыт в познании которых накопил в течение своей жизни. Красота, ее суть и роль, ее энергетика занимали, пожалуй, в этом опыте первое место. «Невыразимая аура славы, излучаемая великим произведением, – объяснял он, – это эманация скрытых вибраций, которые закреплены в структуре великого произведения искусства. Волшебство чувств, мыслей и сильных желаний Великих Мастеров запечатлены в произведении, излучаются на зрителя и пробуждают в нас сходные ответные чувства, помимо чисто энергетического и духовного понимания того, о чем говорится. Мы отзываемся на более совершенные сочетания и называем их прекрасными. Мы ценим более совершенное равновесие и гармонию, так как мы отзываемся на естественный эволюционный поток, вызывающий более совершенные формы и сочетания цвета, звука, слов и формы. Эти великие произведения являются кладовыми громаднейших энергий, которые могут активизировать и изменить миллионы зрителей и повлиять на бесчисленные поколения через весть красоты, излучающуюся из них. Такова необыкновенная власть искусства, скрытая сила, всегда присутствующая и активная в великом произведении» (Рерих С.Н. Стремиться к Прекрасному. М., 1993. С. 6). В таких словах Святослава Николаевича изложил свое понимание Красоты во всем ее энергетическом богатстве. «Естественный эволюционный поток, выявляющий более совершенные формы и сочетания цвета, звука, слов и формы», – это и есть та сформулированная Святославом Николаевичем Истина, которая ставит Красоту, выраженную в подлинном искусстве, в энергетический ряд Космической эволюции, отводя ей важнейшую роль в этой эволюции и объясняя извечную, нередко бессознательную, тягу человека к Красоте. Ибо Красота есть та высшая энергетика, формирующая «естественный эволюционный поток», о котором повествуют книги Живой Этики. «Для меня реально и очевидно, что в искусстве и красоте заключены сверхъестественные силы», – поясняет он. Он употребляет слово «сверхъестественный» отнюдь не в расхожем его смысле, а имея в виду ту энергетику высоких вибраций, которая еще недоступна человеку.

Красоту, с которой мы соприкасаемся в нашем плотном физическом мире, можно разделить на две группы. Красота, созданная энергетикой Природы и несущая в себе ее дух, ее силу, и Красота рукотворная как результат творчества самого человека, также несущая в себе его силу или энергию духа. Возникая на разных уровнях, Красота и природная, и рукотворная тем не менее имеют в себе много общего, ибо и та и другая подчиняются единым энергетическим законам, которые мы называем Законами Космоса. Святослава Николаевича как художника и мыслителя привлекала, в первую очередь, тайна Красоты рукотворной. Он исследует ее механизмы, стремится определить ее скрытые пружины и проявить сокровенные корни. Красота не может быть создана без высшего идеала, справедливо считал он. Разрушение этого идеала – духовного или эстетического –

приводит к обезображиванию жизни, к гибели ее эволюционного стержня. Утрату высшего эстетического идеала мы наблюдаем сейчас во всем мире и в нашей стране также, где на смену разнузданному идеалу пришли фальшивые ценности западной так называемой массовой культуры, которая калечит неустойчивую энергетику тех, кто так или иначе оказался подвержен воздействию такой «культуры». С этой точки зрения работы Святослава Николаевича имеют для нас непреходящее значение. Вестник Красоты и ее творец, он не устал разяснять ее эволюционный смысл, настаивая, так же как и его отец, на непреложности этого смысла: «Поиск прекрасного является наследственной эволюционной силой».

Эта «наследственная эволюционная сила» зазвучала в человеке с самого начала его существования и развивалась в нем на протяжении тысячелетий его истории. Без этой природной силы не могли бы сформироваться ни культура, ни творчество, ни связь с Высшим. Сама эта сила носила религиозный характер, так же как и самые первые петроглифы, высеченные человеком на скале, или первые его росписи пещер, или вылепленные им глиняные фигурки богов. Иными словами, искусство, появившееся на заре человеческого сознания первой звездой связи с нездешним, уже несло в себе духовно-энергетическую силу поиска Прекрасного.

Из многих своих бесед со Святославом Николаевичем я поняла, как основательно и серьезно занимал его вопрос – что именно способствует появлению в искусстве Великих Мастеров и какова их действительная роль в эволюции. Он вовлек меня в размышления обо всем этом, и порою мы даже спорили с ним. Но он всегда оказывался прав. Как-то во время моего очередного визита к нему он протянул мне стопку машинописных листов. Это была его лекция о гуманизме в искусстве в одном из индийских университетов. И в ней я нашла глубокую формулировку, касающуюся Великих душ и Великих Мастеров. «Эти поиски высших ценностей повторяются периодически, и кульминацией обычно является момент, когда дремлющие до сих пор творческие силы раскрываются и появляются Великие души, будто притянутые невидимым, неизвестным магнитом, чтобы, используя весь накопленный опыт прошлого, создавать новые формы и сочетания. Эта переоценка высших человеческих ценностей всегда являлась одним из мощных стимулов для продвижения вперед» (С.Н. Рерих Стремится к Прекрасному. М., 1993. С. 7).

С.Н. Рерих. Канченджанга из Турпиндара. 1952

«Переоценка высших человеческих ценностей» и создавала очередную ступень эволюционной лестницы космического восхождения человечества, которую творили Великие души и Великие Мастера. Эта мысль Святослава Николаевича вскрывала самую суть творческого процесса, завершением которого были эти Великие личности. Их появление, или, скорее, явление, было связано с духовной работой целых поколений человечества, которые участвовали в энергоинформационном обмене с Высшим. Великий Мастер есть проявление Высшего творчества на Земле, в котором участвуют миры различных состояний материи и различных ее измерений. Фактически это процесс преобразования самого человека и достижения им высокой степени богочеловека – процесс, указание на который мы находим в Живой Этике. В Великом Мастере, в его творчестве как бы звучат струны этих нездешних миров, ибо ни одно явление на земле не может быть познано или понято без этой неземной музыки, без ее тонкой энергетики, которая присутствует также в каждом из нас и складывает миры нашего духа. Творчество Великого Мастера зарождается где-то на тончайшей грани, соединяющей миры иные с нашим, той грани, которая потом и отразит, светом или мыслью, Красоту этих миров в самом произведении.

В архиве Международного Центра Рерихов, уже после того как Святослав Николаевич передал России наследие своих родителей, в одном из его писем я обнаружила такие слова: «Наш творческий процесс – это воплощение нашего внутреннего мира, звучание нашего духа. Но так же, как бывает трудно, подчас невозможно выразить словами то, что мы ощущаем в глубинах нашего сердца, так же трудно, даже труднее бывает воплотить это в двух измерениях [на холсте]. Всякое истинное творчество неразрывно связано с внутренним миром художника и в известной степени является мерилом его истинного «Я». Я говорю «в известной степени», ибо разные физические ограничения неизбежно налагают свою печать» (Отдел рукописей МЦР. Дело № 10955. Лист 86–89).

Опыт самого Святослава Николаевича был столь богат и разнообразен, что, он, может быть, как никто другой, чувствовал те «физичес-

кие ограничения» нашего плотного мира, которые с особой силой проявляются в художественном творчестве. Именно в этом пространстве возникает противоречие, которое и составляет суть действия между желаемым и действительным, между мечтой и ее реализацией. Это желаемое и мечта рождаются в нездешнем мире, но воплощаются на Земле. Поэтому творчество в области Красоты и искусства несет нам дыхание и аромат иных миров, озаряя нас их энергетикой. И чем выше Мастер по своим устремлениям и идеалам, тем осязательней энергетика миров иных измерений. Великий Мастер своим трудом и талантом преодолевает противоречие между плотным и тонким состоянием материи и максимально приближается, находясь в плотном мире, к понятиям тонким – желаемому и мечте. Он как бы преодолевает сопротивление плотной материи, совершая прорыв в неизведанные глубины Космоса, соприкасаясь с мирами более высоких измерений и впитывая в себя их энергетику. Вазари называл эту энергетику Небесным огнем. Возможно, этот Небесный огонь Красоты и вдохновения притягивает нас к творениям Великих Мастеров, влияет на нас, организует нашу энергетику в том единственно верном направлении, которое соответствует самому естественному потоку эволюции. Святослав Николаевич говорил о таинственной силе, которая заключена в совершенных пропорциях подлинного искусства.

«Истина в Красоте, – сказано в одной из книг Живой Этики. – Космос утверждает на этой формуле эволюцию. Космос направляет мир к овладению Красотою» (Беспредельность, 178). Исследуя и осмысливая, по его собственному выражению, «священное царство красоты», Святослав Николаевич находил в нем все новые и новые грани. Будучи оригинальным философом и прекрасным владеющим энергетическим мировоззрением Живой Этики, в своих писаниях, в выступлениях, в доверительных беседах он неизменно обращал наше внимание на те стороны энергетического процесса Прекрасного, которые мы, возможно, и не замечали.

Духовное поле Индии всегда привлекало к себе великих художников и великих мыслителей. К ним, несомненно, принадлежит и Святослав Николаевич. Его творчество неразрывно связано с жизнью и культурой этой страны. На его полотнах полыхают краски Индии и живет ее незабываемая красота.

Именно Индия подарила Святославу Николаевичу радость встреч и регулярных контактов с Высокими Сущностями, стоящими много выше нас на лестнице Космической эволюции. Это были Великие Души, или Учителя Рерихов, в сотрудничестве с которыми и была создана философия реального Космоса – Живая Этика. Благодаря родителям, говорил Святослав Николаевич, «я познал великие ценности жизни и имел контакты с Личностями, которые давно прошли по великому и царственному пути самоосвобождения». Святослав Николаевич до самого последнего своего часа сохранял связь с Великим Учителем. Когда все члены семьи Рерихов ушли из жизни и он остался один, эта связь многое облегчала в его нелегкой жизни. Рассказывая мне об Учителе – а это случалось нередко – о Его свойствах и особенностях, о первой встрече с Ним, Святослав Николаевич соблюдал удивительную бережность. Иногда называл Учителем «более совершенными людьми, найти которых может только тот, кто готов для этого и кого они сами хотят встретить». Говоря об Учителях, он становился строгим лицом, а глаза его обретали удивительную глубину и взгляд уходил куда-то в таинственное пространство. Наблюдая за ним в такие моменты, я не могла отделаться от какого-то внутреннего чувства, что передо мной один из тех, кого называют Великими Душами, на долю которого досталась нелегкая и одинокая жизнь на нашей планете. Потом, много лет спустя, я нашла в письме Елены Ивановны подтверждение этому моему ощущению. Но в своих взаимоотношениях с людьми и, в частности, со мной он никогда, ни словом, ни намеком, не давал понять, что и он принадлежит к когорте совершенных людей. Временами он был непредсказуем и совершал неожиданные поступки, реальный смысл которых уяснялся позже. Он хорошо понимал, что малокультурные и невежественные люди пытаются сделать из факта существования Учителей и их «великого царственного пути» расхожую сенсацию или средство для собственного возвышения.

Мудра и глубока мысль Святослава Николаевича, которую он выразил в одной из бесед, – меньше стараться обучать друг друга. Главное – самосовершенствование. Начинать надо с переделки самого себя. Это основа всего. Тогда мы сможем помочь и другим. Учительство он рассматривал как помощь другим, а не как средство возвышения над другими. В этой мысли был заложен глубокий этический смысл. Он часто говорил о будущем, полагая, что все те, кто связан с идеями Рерихов, работают на это будущее. Что думал о будущем он сам? И как его готовил? Что сделал для этого в свои последние годы? Ответ на эти вопросы я получила в Бангалоре, где он прожил несколько десятков лет. Я посетила в 1992 году его мастерскую в загородном имении, где двумя годами ранее работала с наследием Рерихов, готовя его к вывозу в Россию.

Мастерская сохраняла прежний вид. Бронзовые фигурки стояли на своих местах, по стенам висели все те же танки и миниатюры. На полу, прислоненные к книжным полкам и покрытые полиэтиленом, стояли картины хозяина мастерской. Многие мне были знакомы по выставкам, репродукциям и по личному общению с автором здесь же, в мастерской. Это была красота, сотворенная большим художником. Но вот, вынутые из полиэтиленовой упаковки, передо мной засверкали картины, которых я раньше не видела. Яркие, светящиеся краски, странные, как будто земные и в то же время неземные формы. Тонкое красивое женское лицо, возникшее из каких-то причудливых облаков, дерева и в то же время не дерева, река, струящаяся сквозь горы и освещающая их изнутри. Затрудняюсь и сейчас дать точное описание увиденного мною. Но тогда поняла, что на двухмерном пространстве полотна Святослава Николаевича изобразил тонкий мир четвертого, а может быть, и более высокого измерения. Он видел и прозревал этот

мир своими утонченными центрами, высокой энергетикой. Имея в распоряжении язык двухмерного пространства, он сумел с его помощью максимально приблизиться к иному миру, открыть как бы окно в него и тем доказать беспредельную возможность искусства. Полотна несли в себе уникальный духовный опыт самого мастера и повествовали о реальности и доступности нездешних миров. Картины подтверждали то, что сам человек является как бы мостом между ними и миром плотным. Живая Этика, повествуя об особенностях Космической эволюции человечества, утверждает, что сближение миров различных измерений, различных состояний материи есть одна из важнейших задач наступающего этапа эволюции. Я созерцала странные и необычные картины великого художника, провидца и мудреца, одного из тех, кто облегчает нам путь к сверкающим вершинам Духа. К сожалению, через полгода эти картины были похищены вместе с другими драгоценностями семьи его секретарем Мэри Пунача. Несмотря на то, что мы лишены возможности их видеть, можно утверждать, что Святослав Николаевич выполнил свою миссию как художник, приблизив Красоту иного, Тонкого Мира, к Земле.

Когда он остался один, а это длилось немало – 33 года, – он считал своим долгом хранить память об ушедших Рерихах. В наших беседах Святослав Николаевич часто возвращался к родителям и старшему брату. Говорил о самом сокровенном, что несли они в себе. Вся семья была единым духовным явлением, что встречается крайне редко в нашей обычной жизни. Будучи неотъемлемой частью этой семьи, он отражал в себе, как в ясном зеркале, каждого из остальных. Вся семья представляла собой уникальную «голограмму», которую невозможно, как и реальную голограмму, разбить на отдельные части. – Каждая часть все равно будет нести целостное изображение. Так и семья Рерихов: каждый из них заключал в себе всех четверых – их задачи, их эволюционную миссию и их творчество. Священный с Николаем Константиновичем тесными сыновними узами, Святослав Николаевич время от времени заставлял себя как бы отойти на какое-то расстояние от царственной фигуры отца, чтобы оценить величие, которое тот нес в себе как человек, художник, ученый и мыслитель. И эта отстраненность рождала у Святослава Николаевича точные и яркие слова, определяющие суть великого человека. «Пройдет еще много лет, – писал он, – прежде чем всесторонне будет оценен вклад Николая Константиновича в сокровищницу культуры человечества и его глубокое провидение в будущее. Его книги включают в себя самые замечательные мысли и чаяния всех народов всех стран. Но это дело будущего» (Рерих С.Н. Стремиться к Прекрасному. М., 1993. С. 17). И в этой оценке нет преувеличения. Действительно, и Николай Константинович, и вся семья Рерихов работали на Будущее, на будущую эволюцию, на те процессы, которые еще только формировались в глубинах Космоса, чтобы потом проявиться на орбите нового витка Космической эволюции.

Осмысливая общечеловеческое значение творчества отца, Святослав Николаевич отмечал одну его важную черту – тесную связь с Россией, подлинный его патриотизм и непреходящую любовь к Родине. Сам он не принимал мнения ряда русских художников и искусствоведов, особенно распространенного в 80–90-е годы прошлого столетия, что русским художником Николая Константиновича можно считать только до поездки его в Индию. После этого, по их разумению, он таковым уже не являлся. Помню, в один из моих визитов в Бангалор Святослав Николаевич пригласил в загородное имение и там показал мне удивительные, прекрасные картины отца. Многие из них я еще не знала. Мы сидели в мастерской, и двое слуг бережно ставили на мольберт одну за другой картины Николая Константиновича, писанные в Индии. Мне до сих пор трудно забыть то потрясение меня тогда впечатлительное от этих произведений, их глубиной красоты, именно глубокой, – другого слова не подобрать, – от озаряющих красок, музыки света, которая звучала с каждого полотна.

– Ну, как? – спросил Святослав Николаевич. – И я поняла, что и он находился, не знаю в который раз, под волшебным воздействием этих полотен.

– У меня нет слов, – ответила я.

– Вы знаете, и у меня не находилось слов каждый раз, когда я видел новую картину Николая Константиновича. А кстати, – улыбаясь, спросил он, – смогли бы Вы, не зная, чьей кисти принадлежат картины, определить национальность художника?

Вопрос был столь неожиданным, что я не смогла сразу на него ответить. Мне и в голову не приходило искать в картинах какие-то признаки национальности автора. Святослав Николаевич, видя мое затруднение, пояснил:

– Это важный вопрос, по крайней мере, для меня. Можно ли картины Николая Константиновича считать русской живописью?

– А как Вы думаете? – спросила я.

Он как-то задумчиво посмотрел на меня и сказал:

– Конечно, можно.

– Почему? – спросила я.

– Давайте посидим еще перед этими картинами и ответим на этот вопрос.

Мы посидели, и через какое-то время я поняла, что передо мной действительно картины русского художника. Кроме своеобразия стиля и формы, от картин исходила эманация, если можно так сказать, неосязаемая, но вполне реальная. Определить эту эманацию своими словами я не смогла. На помощь пришел Пушкин: «Здесь русский дух, здесь Русью пахнет». Когда я процитировала эти слова, Святослав Николаевич как-то весь преобразился и, я бы сказала, засветился.

– Ах, как хорошо сказал Пушкин! – воскликнул он. – «Здесь русский дух, здесь Русью пахнет».

Потом, некоторое время спустя, я поняла всю серьезность за-

данного мне Святославом Николаевичем вопроса. Осмысливая общечеловеческое творчество отца, он считал важнейшей чертой этого творчества тесную связь с Россией и непреходящую любовь великого художника к своей Родине. То, что Рерихи были русскими, тоже, по всей видимости, не было случайным: Русь – Индия встает огненным сполохом над их судьбой. Русь – Индия – не только как историческое и культурное понятие, но и как энергетическое, суть которого раскрывает эволюционную тайну такого сочетания. «Русь – Индия, два магнита, два устоя», – писал Николай Константинович, имея в виду их роль для будущего планеты.

Так же как и остальные Рерихи, Святослав Николаевич любил Россию, был очарован ее культурой, убежден в высокой миссии страны. Он всегда верил в ее будущее и всегда ощущал ее как свою Родину, которую он покинул двенадцатилетним мальчиком. Его высказывания о России глубоки и точны. Мне хочется привести несколько из них.

«Я всегда верил, – говорил он, – что России предопределена особая, исключительная роль. В России сошлись Восток и Запад. А потом ее размеры, географическое положение... Все это чрезвычайно важно» (Рерих С.Н. Стремиться к Прекрасному. М., 1993. С. 18).

«России предопределена великая, по существу космическая роль на Земле» (Там же).

И еще: «Россия – это пространство будущего» (Там же). Он считал Россию страной эволюционной энергетике, сложившейся в течение многих веков на ее великих просторах. Ее избрала сама эволюция, не освободив ни от трудностей, ни от препятствий, ни от страданий, ни от всякого рода противостояний и конфликтов.

Живя многие годы в Индии, Рерихи работали на Россию, России они завещали свое творческое наследие, которое в 1990 году было передано ей Святославом Николаевичем через Международный Центр Рерихов. Это были картины Н.К.Рериха и С.Н.Рериха, архивы, личная библиотека и ряд вещей и реликвий, хранившихся долгие годы в семье. Сам Святослав Николаевич выступил с идеей создания Музея имени Н.К.Рериха в Москве. Этот Музей, по мысли дарителя, должен был иметь статус общественного, а не быть в подчинении у Министерства культуры и Музея Востока. Таким образом последний Рерих завершил миссию семьи, связанную с Россией. Кроме этого он понимал, что культура не должна быть государственной и что государство должно только материально помогать развитию культуры в стране. Эту точку зрения разделял с ним и патриарх русской культуры Дмитрий Сергеевич Лихачев. Со временем Международный Центр Рерихов и Музей имени Н.К.Рериха превратились в популярный Культурный Центр. Однако в этом государстве не оказало МЦР никакой помощи и все средства, которыми располагала эта организация, были добровольными взносами, собранными по всей России. Таким образом, был укреплен мост Россия – Индия, который начали создавать Рерихи в Индии еще во время Второй мировой войны. Но если в Индии на самом высоком уровне осознают грядущее значение этой культурно-духовной связи двух стран, в новой России пока этого не произошло. Это особенно было заметно во время юбилейных торжеств в честь столетия со дня рождения Святослава Николаевича Рериха. Несмотря на то, что в Москве был создан оргкомитет по празднованию юбилея под председательством нового министра культуры Александра Сергеевича Соколова и с его помощью проведено Торжественное юбилейное заседание общественности в Колонном зале Дома союзов, все же нездоровая ситуация, сложившаяся вокруг МЦР и имени Рерихов вообще, ничуть не облегчилась. До сих пор продолжает действовать незаконное, нарушающее волю С.Н.Рериха правительственное постановление 1993 г. Не возвращены Музеем Востока 288 картин Н.К.Рериха и С.Н.Рериха, которые Святослав Николаевич включил в свою дарственную. До сих пор в суде находится жалоба бывшего министра культуры М.Е.Швыдкого, который пытается опротестовать вступление МЦР во владение наследием Рерихов. Перед лицом всей страны разбазаривается наследие старшего сына, Юрия Николаевича, которое находится в руках человека, не имеющего на него законных прав. Идут теле- и радиопередачи с искажениями и клеветой на Рерихов. Выпускаются книги, где Н.К.Рерих называется советским шпионом и объявляется человеком, который стремился создать новое государство в Центральной Азии. Ни одно нарушение воли покойного дарителя С.Н.Рериха не исправлено. Государственные ведомства произвольно пользуются этими нарушениями, создавая вокруг Международного Центра Рерихов и его Музея тяжелую и нервную обстановку. В отличие от Индии, где почитают и уважают заслуги наших соотечественников Рерихов и понимают их значение в развитии мировой культуры, Россия или, скорее, ее государственные ведомства до сих пор не осознали величие семьи Рерихов и ее выдающийся вклад в культурно-духовное взаимодействие Индии и России. Казалось, многое можно было поправить в этот год, когда мы отмечаем юбилей трех Рерихов – Н.К.Рериха, Е.И.Рерих и столетний юбилей С.Н.Рериха. Но этого пока не случилось. Однако, что бы ни происходило, нам следует помнить, что все четверо Рерихов принадлежат к той редкой когорте людей, значение которых и в мировой культуре, и в эволюции человечества с годами все более возрастает. Все они работали на Будущее, и это Будущее воздаст им тем высоким признанием, которое они, несомненно, заслужили.

Л.В. Шапошникова, академик РАЕН, заслуженный деятель искусств РФ, Генеральный директор Международного Центра-Музея имени Н.К. Рериха, г. Москва